

Она топнула ногой: «Шестнадцать гвардейских управлений, подняли по тревоге почти восемь! И это, по-твоему, не серьёзно? Тебе-то ничего не будет, а я... Тяньхоу меня и так недолюбливает. Вдруг...»

Я ответила: «Если тебя и выпорют, то по заслугам. Кто велел обманывать меня и тащить в собачью нору! Но ради месяца, что ты была моей спутницей, я попрошу матушку смягчить наказание. Если бы полагалось двадцать ударов, сделаем восемнадцать; если сорок — станет тридцать шесть».

Она, видимо, не ожидала, что я совсем о ней не позабочусь, заволновалась, глаза покраснели: «Эрнян, я думала, ты не настолько жестока...»

Я с интересом наблюдала за ней, улыбаясь: «Теперь испугалась? А когда надо мной издевалась, почему не боялась?»

Вэй Хуань сверкнула на меня глазами. Я покрутила головой, сделав выражение, которое в прошлой жизни называлось «провокационным». Её взгляд смягчился, она потянула меня за рукав: «Эрнян, я знаю, ты добрая, ты не дашь меня наказать, правда?»

Я сказала: «Помогу, но только если ответишь на мои вопросы честно, без единой лжи».

Она, похоже, уже догадалась, о чём я спрошу. Прикусив губу, она не сказала ни да, ни нет.

Уверенная, что она боится матушки, я с улыбкой сунула флакон с лекарством себе за пазуху: «Не знаю, в каком статусе ты предстанешь перед матушкой. Если как обвиняемая, тебя могут обыскать. Лучше пусть это будет у меня. Если тебя снова будут сечь, я, ради нашей дружбы, пришлю тебе получше — если, конечно, доживёшь».

Вэй Хуань покраснела ещё больше, но теперь, кажется, от злости. Она смотрела на меня, и глаза её стали огромными, прямо как у коровы. Только у коровы, конечно, не было такой живости во взгляде. Что до внешности, Вэй Хуань была, в лучшем случае, средненькой. Даже в том мире, откуда я пришла, как её ни наряжай, выше среднего не выйдет. Но в глазах у неё горела какая-то захватывающая дух живость, отчего мне стало одновременно завидно и досадно. Ведь я и не красавица, как Дяочань, и таких прекрасных глаз у меня нет.

Вэй Хуань смотрела на меня несколько долгих мгновений. Повозка грохотала по мостовой, замедлилась, проезжая ворота квартала — это наша группа встретила другую, искавшую меня. Я услышала, как Ли Жуй сказал: «Уже нашли. Пусть все возвращаются». Люди снаружи подтвердили приказ, и вскоре множество отрядов разбежались в разные стороны передавать весть.

Услышав это, Вэй Хуань побледнела ещё сильнее. Она выпрямилась и чётко произнесла: «Принцесса, спрашивайте».

Видя, что она наконец перестала хитрить, я тихо усмехнулась. Собираясь спросить напрямую, я вспомнила манеру матушки и намеренно загадочно протянула: «Ты знаешь, о чём я хочу спросить».

Вэй Хуань сжала губы и наконец выдавила: «Я — дочь от наложницы, а Саньян — законная. С детства отец ценил её, а не меня. Сколько я ни старалась — училась, играла в цуцзюй, заводила знакомства, — он словно не замечал меня. Мои старшие сёстры — та же история. Старшая с детства была умна, шестикнижие знала наизусть, но выдали за мелкого чиновника, и она умерла в родах. Вторая была кроткой, искусной в каллиграфии и живописи, вышла за

незаконнорожденного из клана Ван, терпит побои, а отец и ухом не ведёт. Саньян хоть и знает классику и вышивает, но ничем не лучше старших сестёр. Однако отец ради неё и унижался, и просил, и репутацию ей создавал, даже деньги, отложенные на карьеру, потратил — лишь бы её выбрали во дворец. Я не могла с этим смириться».

Я нахмурилась: «Но плохо с тобой обращался лишь твой отец, а не Саньян или твоя мачеха».

Вэй Хуань усмехнулась: «А разве не она первая набросилась на меня в тот день? Если бы не это, разве Тяньхоу терпела бы меня до сих пор?»

Я не нашла, что ответить, и лишь спустя мгновение произнесла: «Ты намеренно ссорила меня с Саньян во время игры в мяч, это я знаю. Но как ты могла заранее знать, что я пойду играть?»

Вэй Хуань улыбнулась: «Мне и не нужно было знать. Ты — принцесса. Захотела унижить спутницу — достаточно мимолётной прихоти. Будь то игра в мяч или что-то иное, способов не счесть. Мне лишь нужно было постоянно подстрекать Вэй Синь, чтобы она относилась к тебе свысока. Стоило этому проявиться в её поведении, и ты сама навлекла бы на неё беду».

Мне показалось, я поймала её, и я усмехнулась: «А если бы я не заметила?»

Вэй Хуань ответила: «Не заметила бы ты — заметил бы кто-то другой. Не стала бы ты с ней разбираться — нашёлся бы тот, кто сделает это за тебя. Вопрос лишь во времени».

Я не сдавалась: «А две дочери из рода Фан ведут себя так высокомерно — и ничего, живут во дворце припеваючи. С чего ты так уверена?»

Вэй Хуань с усмешкой посмотрела на меня: «Осмелюсь спросить, какого ранга был отец тех двух из рода Фан и чьим человеком он является? А какого ранга отец Вэй Синь и чей он человек?»

Я онемела. Фан Ицзэ был сыном преступника прежней династии, чьего отца и братьев прежний император сослал и казнил. Сам Фан Ицзэ, хоть и сдал экзамен по указу, из-за отца долгие годы не мог получить должность. Лишь после того, как он первым подал петицию о низложении императрицы и возведении на престол У, примкнув к матушке, карьера его пошла в гору. Уж я-то, затворница в глубинах дворца, знала, насколько он близок к матушке. Его дочери могли позволить себе некоторую спесь — я, глядя на заслуги министра Фана, скорее всего, закрыла бы на это глаза. Тем более они всегда умели сохранять лицо, а я использовала их, чтобы сдерживать клан Цуй.

С Вэй Синь всё иначе. Её отец был всего лишь адъютантом и сейчас ожидал назначения в столице, цепляясь за влияние семейства императрицы, чтобы попасть ко двору. В глубине души я никогда не принимала её всерьёз. Прояви она ко мне малейшее неуважение — одним словом я могла бы низвергнуть её в бездну. Подумав об этом, я внезапно почувствовала ледяной холод. Я с ужасом осознала, что, сколько бы ни твердила о своём превосходстве, гуманности и отличии от этих прогнивших, отсталых древних, я уже начала молча принимать эту жёсткую классовую систему. Хотя я и испытывала некоторую вину за травму Вэй Синь, в глубине души считала, что она сама была виновата, и потому не слишком переживала. Но теперь, поразмыслив, я поняла: даже если я не толкала её сама, ответственность лежит на мне. Я, считавшая себя высокообразованной, презиравшая многих старших, включая собственных родителей в той жизни, клявшаяся быть независимой женщиной, — теперь я стала часть правящего класса, который попирает достоинство и жизнь других. И я даже не могла выразить, что чувствовала.

Но самое ужасное — я принимала это положение вещей с наслаждением и не желала ничего менять.

Ум мой спутался, и я долго молчала. Вэй Хуань, видя моё молчание, забеспокоилась и осторожно спросила: «Ты... только это хотела спросить?» В её глазах читалась надежда. Только что я восхищалась этими глазами, а теперь мне вдруг стало противно от этого взгляда. Я прямо сказала: «А что ещё? О твоих ранах? Ты сама говорила, что они несерьёзны. Твоя мать из клана Цуй, знатного рода, который превыше всего ставит репутацию. Даже если в душе она тебя ненавидит, открыто тебя тронуть не посмеет. Ты специально попросила меня намазать тебе лекарство, потому что видела, что я добрая, и хотела меня растрогать. Я не стала разоблачать тебя, чтобы сохранить твоё лицо, а ты не поняла намёка». Всё это была вина Вэй Хуань. Если бы не она, я бы осталась той доброй маленькой принцессой.

Вэй Хуань побелела, губы её задрожали, и она произнесла: «Я думала, ты не такая, как они. Оказалось, ты такая же подозрительная».

Я усмехнулась: «Даже дура, обманутая тобой несколько раз, станет умнее. К тому же, это ты начала меня обманывать. Почему вор кричит «держи вора»?»

С глухим стуком Вэй Хуань вскочила, ударившись головой о потолок повозки. Звук был болезненный, но она, казалось, не заметила. Холодно глядя на меня, она сказала: «Раз ты не собираешься мне помогать, зачем мне оставаться здесь и раздражать тебя? Я лучше выйду».

Я ответила: «Я лишь сказала, что не верю тебе. Кто сказал, что не помогу?»

<http://bllate.org/book/16278/1465907>